ворной форме в виде двух строк каждое. Каждое новое четверостишие начинается с ярко выраженной заглавной буквы, вторая линия каждого четверостишия имеет небольшой отступ, что дает читателю также визуально понять и смысловое деление фразы. Стихотворение имеет четкий ритмический рисунок и рифмы.

Стихотворение было впервые опубликовано в «Thesaurus Palaeohibernicus» в 1903 г. Название «Pangur Bán» можно перевести как «Белый Пангур» (от др.-ирл. *bán* – белый).

Отдельное внимание нужно обратить на аллитерацию, которая в древнеирландском языке тоже имеет ярко выраженную визуальную направленность, т. к. предполагает чередование начальных согласных (выделены жирным в отрывке ниже).

Pangur Bán[3]

1. Messe *ocus* Pangur Bán,
· cechtar nathar **fr**ia **s**aindan
bíth a **m**enmasam **fr**i **s**eilgg
· **m**u **m**enma céin im **s**aincheirdd.
<…>
8. He fesin as choimsid **d**áu
· in muid **d**ungní cach oenláu
du thabairt **d**oraid **d**u glé
· for **m**u **m**ud cein am **m**esse.

Белый Пангур

Я и друг мой Пангур Белый –
Оба заняты мы делом:
Он – охотой на мышей,
Я – созданием идей.
<…>
Он на страже каждый день
И играть ему не лень.
Свой же вижу труд таким:
Сделать сложное простым.

Таким образом, стихотворение «Pangur Bán» отражает развитие визуального медиума в древнеирландской поэзии, которое выражается и в построении рукописного текста в манускрипте (на визуальном уровне), и в использовании аллитерации (на вербальном уровне).

Примечания:

[1] Кухтенкова О. А. Очерки истории кельтской книжности. СПб., 2020. С. 129.

[2] Primer Reichenau [Электронный ресурс]. URL: http://www.rz.uni-potsdam.de/u/lingtri/schulheft/ (дата обращения 08.01.2023).

[3] Stokes W., Strachan J. Thesaurus Palaeohibernicus: a Collection of Old-Irish Glosses, Scholia Prose and Verse. Cambridge, 1903. P. 293–294.

К. М. Карашайски
аспирант II года обучения
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
(г. Симферополь)

ОБРАЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА VII К ВОСТОЧНЫМ СТРАТИГАМ: ИМПЕРСКАЯ ПРОПАГАНДА В ОТНОШЕНИИ ИНОЗЕМНЫХ НАЕМНИКОВ

Военные речи императора Константина VII связаны с боевыми действиями против арабов на юго-восточных границах империи в 950-х гг. Одна из них,

«Обращение императора Константина к восточным стратигам», определяется исследователями в качестве официальной инструкции (συλλαβή)[1] для армейского командования, направленной весной-летом 958 г. Шестая часть этой речи посвящена иноэтничным воинским контингентам (ἐθνικοὶ) в составе византийской армии и распространению на них имперской пропаганды.

Империя закономерно обращала на отряды иноземцев большое внимание, активно привлекая их в качестве наемных и союзных сил как минимум с начала X в. В 930–960-е гг. византийские войска имели в своем составе росов, фарганов, хазар, арабов, венгров, армян[3] и славян[4]. Арабские авторы X в. (Абу Фирас, аль-Мутанабби и Ибн Халавайхи) сообщают, что в войсках Варды Фоки в 954/955 г. и Василия Лакапина с Иоанном Цимисхием в 958 г. присутствовали армяне, росы, славяне, венгры, болгары, франки и хазары[5]. Крупнейший контингент был представлен, вероятно, росами – численность их отрядов в первой половине X в. составляла 400–700 воинов. Косвенно это подтверждает аль-Мутанабби, выделяя в качестве основных сил, подошедших к крепости Хадат, ромеев и росов. Исходя из этого, следует предположить, что шестая часть «Обращения» подразумевает в первую очередь росов и эффект должен быть произведен именно на них.

Император призывал поразить иноземцев мужеством и отвагой, натиском и неодолимой мощью византийской армии. Иноземные воины должны стать глашатаями, формирующими внушающий уважение и трепет образ империи у себя на родине. В качестве материального подтверждения указывается военная добыча, способная впечатлить и воинов, и их соплеменников. На наш взгляд, в данном пассаже византийские власти преследовали две важнейшие цели. Во-первых, демонстрации военной силы, которая должна была удержать иноземцев от нападений на византийские территории. Во-вторых, формирования образа императорской армии как престижного и выгодного места службы, с дальнейшей перспективой увеличения потока иностранных наемников.

О том, какое впечатление производили ценности, полученные в результате службы в Византии, красноречиво говорят скандинавские нарративные (например, «Сага о людях из Лососьей Долины» и «Сага о Харальде Суровом») и эпиграфические источники (рунические камни, сообщающие о высоком статусе или материальных приобретениях в империи). Очевидно, высокая плата была сознательной частью политики византийских императоров относительно иноземных наемников. Поддержание же престижа империи и имперской службы заботило византийскую элиту (например, Кекавмена) и в последующие столетия.

Таким образом, мы предполагаем, что шестую часть «Обращения» следует рассматривать в качестве указаний для командования восточных войск относительно методов пропагандистского воздействия на отряды иноземных наемников, связанных с демонстрацией силы и распределением трофеев.

Примечания:

[1] Ahrweiler H. Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète // Travaux et Mémoires. Paris, 1967. T. 2. P. 401–404.

[2] Constantini Porphyrogeniti imperatoris de ceremoniis aulae byzantinae libri duo / Rec. I. I. Reiske.

Bonn, 1829. T. 1. P. 660–661.

[3] Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Rec. I. Bekker. Bonn, 1838. P. 481.

[4] Vasiliev A. A. Byzance et les Arabes: la dynastie Macédonienne. Bruxelles, 1950. T. II. P. 331, 364, 368–369.

[5] Haldon J. F. Theory and practice in Tenth-Century Military Administration: Chapters II, 44 and 45 of the Book of Ceremonies // Travaux et Mémoires. 2000. T. 13. P. 202–219.

Н. А. Ковшиков
студент 4 курса
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург)

ОБРАЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ РИГИ В «CRONICON LYVONIAE» ГЕНРИХА ЛАТВИЙСКОГО

Современная историческая наука ориентируется на изучение отдельных личностей, событий, процессов на основе общего массива информации, содержащейся в источнике. Весьма иллюстративной в этом отношении является «Хроника Ливонии» (Cronicon Lyvoniae) – латиноязычный манускрипт, созданный в XIII в. Данное произведение предоставляет информацию о событиях в Прибалтике (Ливонии) начиная с конца 1180-х и вплоть до 1227 г.

Темой исследования является рассмотрение конкретного сюжета, а именно основания города Рига, вокруг которого в дальнейшем будут происходить многие события «Хроники», и который станет одним из основных центров в немецкой колонизаторской миссии XIII в. Данный сюжет рассматривается в произведении в Третьей Книге со «второго по четвертый год»[1], что хронологически совпадает со временным промежутком 1200–1203 гг. Исходя из текста «Хроники», можно сделать несколько заключений об основателях Риги.

Епископ Ливонии Альберт в 1199–1229 гг. упоминается как основатель города, информацию об этом содержат следующие строки: «На третий год своего посвящения епископ <…> возвратился в Ливонию с пилигримами, каких сумел собрать, и в то же лето построен был город Рига на обширном поле, при. котором можно было устроить и корабельную гавань». Кроме того, «в третий год своего посвящения епископ Альберт перенес эту монашескую обитель и епископский престол из Икесколы в Ригу, посвятив епископскую кафедру со всей Ливонией имени пресвятой богородицы Марии»[2]. Создав не только крепость, но и монастырь и перенеся кафедру, Альберт не только основал город, но и придал ему статус духовного и экономического центра всего региона.

Другим лицом, причастным к основанию Риги, является Теодорих, один из первых колонизаторов, а также доверенное лицо епископа в переговорах с Папским престолом. По его настоятельной просьбе римский первосвященник строжайше, под страхом анафемы, запретил всем, кто бывает в Семигаллии для торговли, посещать местную гавань»[3] – именно этот шаг предопределил основа-